ПАРКИ и ДВОРЦЫ
БЕРЛИНА
и ПОТСДАМА
ПАМЯТНИКИ
ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Елена Николаевна Грицак

Парки и дворцы Берлина и Потсдама

Серия «Памятники всемирного наследия»

Текст предоставлен издательством «Вече»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167447
Е.Н.Грицак Парки и дворцы Берлина и Потсдама: Вече; Москва; 2006
ISBN 5-9533-1551-1

Аннотация

Берлин – город с удивительной судьбой. Древний, своеобразный, некогда очень красивый, волей судьбы он стал центром самой тяжелой в мировой истории войны. Следы не столь давней трагедии до сих пор остались не только в его архитектуре, но и в душах людей. Многомиллионная по населению, колоссальная по площади, столица Германии наполнена памятниками и в то же время бедна ими, поскольку все исторические здания реконструированы или являются копиями прежних. Тем не менее подлинные дворцовые постройки в городе сохранились, и о них, а также о тех, которые, к сожалению, перестали существовать после Второй мировой войны, рассказывается в данной книге.

Содержание

Введение 4
Берлин 6
Город Медведя 7
Дворец искусств Софии-Шарлотты 18
Архитектурный пантеон 30
В тени вековых дубрав 41
Хижины – рабочим, дворцы – всем остальным! 46
Народные парки 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Елена Николаевна Грицак
Парки и дворцы Берлина и Потсдама

Введение

Устрашающее движение революции способно вызвать в мерном ритме Берлина лишь незначительные помехи. При катаклизмах этот город становится похожим на слона, получившего укол перочинным ножом; он вздрагивает, но продолжает шагать дальше, будто ничего не случилось.
Граф Гарри Кесслер, 1919

Однажды журналист лондонской «Таймс», анализируя политику немецких государств, заметил: «Бесполезно искать глубокий смысл там, где существует лишь педантизм. Столь же напрасным будет доискиваться у немцев ясной цели в том, что является их желанием воплотить какую-то призрачную идею. Если бы их правители были практичными государственными деятелями, а не педантами и софистами, можно было бы предположить наличие дальних целей. Однако, зная, что они такие, мы видим в их поведении только очередной пример слабости и своенравия, которые принесли немало бед народу». Автор этой несправедливой статьи совершенно прав только в одном – немцы не похожи ни на кого, кроме немцев, и так же и их удивительная столица несхожа с другими европейскими городами.

В отличие от самой Германии Берлин всегда оставался городом, жить в котором было удобно и приятно. Монархи заботились о его безопасности, архитекторы возводили красивые здания, скульпторы и художники придавали эффектный вид прямым широким улицам, промышленники обеспечивали работой миллионы жителей. Тем не менее иное отношение тоже имело место и, несмотря на кратковременность, сильно повлияло на облик Берлина. Трудно поверить, что разумные, бережливые, далеко не богатые немцы иногда безжалостно уничтожали то, что с таким трудом и любовью к родному краю возводили их предки.

Панорама современного Берлина

Даже один раз посетив Берлин, трудно не согласиться со словами Гёте, что «немцы усложняют все себе и другим». В самом деле, слишком часто здесь торжествовала злая воля, заставлявшая город делиться на разные части, объединяться и разделялся вновь затем, чтобы стать колоссальным мегаполисом, где, впрочем, одинаково блаженствовали те, кто зарабатывал миллионы, и те, кто рассчитывал только на благотворительность. Иностранная интеллигенция порой признается в бессилии понять немецкий образ жизни и так же теряются гости Берлина, впервые оказавшись в городе, слишком непохожем на европейскую столицу. Все, что привычно для каждого городского жителя, здесь становится странным, особенно в свете знаменитого немецкого педантизма. Вопреки утверждению лондонского журналиста, эта похвальная черта характера не создавала, а, напротив, помогала преодолевать беды, которые так и не смогли увести немцев с пути к светлому будущему, теперь переставшему быть призрачной мечтой.

Берлин

Величественный, наделенный сознанием, вечный… Берлин был глубоко уязвлен нацистами. После их стараний живучесть города уже не казалась бесспорной.
Гордон Крейг, 1980-е

Внешне Берлин производит впечатление молодого и очень современного города. Футуристическая архитектура, широкие, никогда не пустующие магистрали, площади, которые трудно охватить взглядом – теперь германская столица выглядит иллюстрацией к фантастическому роману. Тем не менее возраст ее приближается к тысяче лет, хотя свидетельством тому являются только легенды. Несмотря на самые тщательные изыскания, ученые до сих пор не могут назвать имена основателей этого необыкновенного города и даже не знают, откуда происходит его, казалось бы, простое название.

Город Медведя

Захватив внушительную часть Германии, римские легионы так и не смогли утвердиться в северо-восточной ее стороне, отчего та веками оставалась во власти кочевых племен, прежде всего свебов и семнонов. В VIII веке по направлению к западу настойчиво продвигались славяне, которым удалось задержаться на варварской земле вплоть до Крестовых походов. Спустя четыре столетия, бросив клич «Drang nach Osten», германцы мощным натиском отогнали славян за Одер и спокойно зажили в мелких графствах, объединенных в марку под крылом Священной Римской империи. Одним из маркграфов был Альберт Медведь из рода Асканиев, присмотревший себе хорошее местечко у брода через реку Шпрее.

Замок с небольшим поселением появился на пересечении торговых путей, там, где купцам приходилось останавливать караваны и разгружаться, чтобы переправиться через поток, довольно широкий на этом участке. Прежде чем спустить тюки в лодку, каждый негоциант платил пошлину графу, а тот жертвовал часть денег на благоденствие жителей Мюлендамма, как поначалу назывался городок близ переправы. Жилище графа защищали толстые стены, глубокие воды Шпрее и Шлоссбрюке (от нем. Schlossbrucke – «замковый мост»), сложенный из бревен, а затем оборудованный разводным механизмом для защиты от нападений извне.

Поселение разрасталось и за несколько веков существования разбилось на два города, раскинувшихся по обеим сторонам реки. Западный берег, вернее, остров между двумя рукавами Шпрее, заселяли рыбаки, назвавшие свой город Кёльн (впоследствии Старый Кёльн). Здешняя церковь была посвящена святому Петру, который защищал всех, кто, как и он в молодости, зарабатывал на жизнь рыбной ловлей. На восточном берегу находился Берлин (впоследствии Старый Берлин) с графским замком, рыночной площадью, купеческими кварталами, рядами нарядных особняков и богатыми прихожанами церкви Святого Николая, покровителя торговцев.

Большинство авторов популярной литературы связывают название германской столицы с великим множеством медведей, раньше и вправду обитавших в окрестных лесах. Научного подтверждения подобные заявления не получили, поскольку этот представитель лесной братии не мог чувствовать себя вольготно среди болот и заливных лугов. По мнению лингвистов, немецкое слово «Берлин» является производным от древнеславянского «берл», означающего не лохматого зверя, а всего лишь «топь, болото».

Реконструкция средневековой застройки в одном из районов Берлина

Так или иначе, но в эпоху раннего Средневековья оба селения процветали, во многом благодаря выгодному географическому положению, а также миру, достигнутому маркграфами из рода Асканиев. Хороший доход приносила торговля, а продавали здесь все, что давала местная природа и привозили купцы: зерно, древесину, рыбу, русские меха, восточные благовония, пряности. Через берлинские склады проходили все товары, направлявшиеся в приморский Гамбург, благодаря чему крепость на Шпрее превратилась в торговый центр, позже вошедший в знаменитую Ганзейскую лигу.

Союз городов не препятствовал их автономии, но все же борьба за всевозможные вольности – право чеканки монет, суда, защиты евреев – неуклонно вела к сближению, и таковое наступило в 1307 году, когда Кёльн присоединился к Берлину. При Асканиях они развивались как типичные средневековые города. Помимо бюргерства, сформировавшегося из купеческой и ремесленной знати, их население составляли так называемые пришлые люди, то есть евреи, а также те, кто, отбившись от караванов, не захотел покидать этот сказочный край. Жители вольного Берлина пользовались привилегиями, включавшими право формирования гильдий, сбора налогов с заезжих купцов, чеканки собственной монеты, и, конечно, самоуправления без вмешательства графа. Войти в совет старейшин мог каждый горожанин (нем. Burger), но преимущество все-таки имели дворяне.

Мирное развитие Берлина закончилось со смертью Вальдемара Аскания – последнего потомка славного «медвежьего» рода. Оставшись без мудрого и уважаемого правителя, город был втянут в борьбу императора Людвига Баварского с папой римским. Причиной духовных баталий послужил пришедший из Франции антиклерикализм, который нередко принимал яростные формы, подчас доходя до погромов. Достаточно вспомнить убийство и сожжение чернью настоятеля Николая в 1324 году. Равнодушные к духовным идеям воспользовались слабостью марки: отсутствие крепкой власти позволяло безнаказанно грабить странствующих торговцев, нападать на беззащитные деревни, а нередко и на достаточно защищенные города, даже такие большие, как Берлин. Средневековые хроники упоминают о рыцаре-разбойнике Эрике Фальке из Шлосс-Саармунда, который однажды устроил рейд на поселения Шпрее и после грабежа сжег многие из них. Вскоре армию знатных грабителей пополнили феодалы из Померании и мелкопоместные бароны во главе с Иоганном фон Квицовом, донимавшие мирных обывателей набегами своих отрядов. Почти не встречая сопротивления, германские робин гуды сделали опасной любую вылазку за пределы крепостной стены, что не могло не повлиять на торговлю, порой застывавшую на несколько лет.

Тогда вряд ли хотя бы один берлинский бюргер ложился спать без мольбы о сильной руке, которая помогла бы восстановить законность в государстве и заодно избавить город от грабежей. Молитвы были услышаны в 1411 году, когда император назначил наместником марки бургграфа Фридриха Нюрнбергского. Молодой, невероятно деятельный правитель добился от берлинцев снаряжения отрядов, получил провиант и боеприпасы, причем ради благого дела те не пожалели церковных колоколов, снятых и переплавленных на пушечные ядра. Вызвав Иоганна фон Квицова на сражение в открытом поле, он разгромил войско разбойников, а затем направил пушки на их гнезда, сравняв с землей 40 крепостей и множество небольших укрепленных пунктов. Активность бургграфа была замечена и вознаграждена присвоением титула имперского курфюрста (нем. Kurfurst – «князь-избиратель»), то есть правителя, наделенного правом избирать императора Священной Римской империи. Таким образом, Фридрих Нюрнбергский стал первым представителем дома Гогенцоллернов, чью родословную продолжил король Пруссии, а завершил кайзер Германии.

К разочарованию горожан, новый господин не вернул Берлину статус, которым город обладал со времен основания. Изначально вольный, он превратился в резиденцию курфюрста. Встревоженные бюргеры попытались освободиться с помощью компенсации, но предложенная ими сумма казалась ничтожной по сравнению с доходами от переправы Мюлендамм. Если судить по долгим судебным разбирательствам, берлинцы добились некоторых послаблений от самого Фридриха и проиграли его преемнику Фридриху по прозвищу Железный Зуб, который, кроме стойкости в суде, показал способность к интригам. Не добившись привилегий законным порядком, он спровоцировал ссору между жителями Берлина, а потом вмешался, не поддерживая ни одну из воюющих группировок. После того как отряды курфюрста захватили некоторые из окрестных ферм в качестве залога, горожане разрешили Фридриху построить крепость в Кёльне, на острове между двумя рукавами Шпрее. Строи-

тельство завершилось в 1451 году; к тому времени Гогенцоллерны приобрели права на Бранденбургскую марку и отделили свою резиденцию от Берлина. К началу следующего века население обоих городов успело забыть о средневековых вольностях и вынуждено было склонить голову перед чиновниками. Новые администраторы получали специальное образование в школе при кельнской ратуше, а с 1574 года – в гимназии при Сером монастыре, где духовные науки постигали прусские короли, а позже учился будущий рейхсканцлер Отто фон Бисмарк.

Неблагоприятный исход борьбы не возбудил в людях желания бунтовать, и неудивительно, ведь одновременно с уменьшением свободы увеличивалось их благосостояние. Имея столичный статус, город богател, развивался правильно и быстро, поскольку двор курфюрста привлекал банкиров, поставщиков предметов роскоши и прочих специалистов по устройству красивой жизни. Не желая делиться прибылью с чужаками, горожане освоили такие отвергавшиеся ранее ремесла, как сукноделие, вышивание, научились делать шляпы, ювелирные украшения, оружие.

Смерть на поле битвы. Гравюра времен Тридцатилетней войны

Первые Гогенцоллерны любили свою столицу, выражая привязанность если не деньгами, то вниманием. Путем налоговых льгот и жалования земель правители поощряли придворных на участие в ее благоустройстве. В течение XVI века города на Шпрее наполнялись красивыми домами, парками, уютными площадями, мощеными тротуарами; в каждом из них постепенно вводилась и успешно действовала система централизованной подачи воды. При курфюрсте Иоахиме III впервые за государственный счет был выстроен новый дворец в стиле ренессанс. К сожалению, после трех эпидемий чумы и религиозного бунта многое из достигнутого тогда исчезло и вспомнилось нескоро, потому что в начале следующего столетия на Европу обрушилась Тридцатилетняя война. Борьба католиков с протестантами, казалось, вернула Берлин в Средневековье. Крепости на Шпрее вновь стали навещать благородные разбойники, из которых особенно запомнились Валленштейн и Густав Адольф. Голод, раны, болезни привели к значительному сокращению числа горожан: в хрониках тех лет упоминается всего 5–6 тысяч жителей, оставшихся от довоенных 12 тысяч.

Вплоть до XIX века большая часть того, что ныне зовется Германией, по известным причинам не была затронута грандиозным движением европейской истории. Годы замкнутости повлияли на характер населения, ставшего педантично жестким, агрессивным по отношению к другим народам и крайне лояльным к собственной власти. После Тридцатилетней войны государство разбилось на сотни мелких княжеств, усилилась власть князей и окончательно укрепилась привычка к послушанию, возникшая еще в Средневековье. Не случайно один из римских пап того времени назвал Германию «землей покорности» (лат. terra obedientiae). В самом деле, постоянная близость смерти и постоянный страх, о котором так выразительно писали немецкие поэты, заставляли уцелевших повиноваться любому господину, не разбирая, хорош он или плох. Охваченные ужасом люди принимали любые требования князей, отчего покорность стала нормой и даже вошла в традицию.

Перемены к лучшему начались в 1640 году, когда титул великого курфюрста получил Фридрих-Вильгельм. Прекрасно образованный человек, мудрый политик и решитель-

ный воин, он быстро собрал армию, мощь которой отбила у грабителей желание совершать набеги. После победы Кёльн и Берлин были объединены, в этот раз навсегда, и значительно расширены. Еще большие надежды вселил разгром шведов в битве при Фербеллине в 1675 году. Победа над исконным врагом посчитали благословением божьим, о чем не преминул высказаться придворный поэт:

Берлин, возрадуйся,
Враг повержен…
Этой победой ты
Освобожден от страха,
Бог да поможет тебе
И пребудет с тобой!

По известным причинам в германской столице осталось очень мало средневековых построек. В отличие от зданий, старые мосты не сохранились вовсе, и гибель их далеко не всегда зависела от злого умысла. Город, сложно пересекаемый рекой, не может обходиться только паромами, поэтому берлинские мосты, так упорно разрушаемые врагами, всегда возрождались. История многих их них, казалось, должна была закончиться в мае 1945 года, но, как и раньше, вместо погибших подлинников возникали копии либо совершенно новые сооружения, которые выглядели так, словно стояли на своих местах веками. Сложенный из красного кирпича Обербаумбрюке (нем. Oberbaumbrucke) украсил Берлин в конце XIX века, но своеобразный вид моста наводит на мысль о готике. Он заменил старую деревянную переправу и, когда открылась первая ветка берлинского метро, здесь расположилась конечная станция на пути в Шарлоттенбург.

После разделения Германии поезда ходить перестали, но постройка на мосту продолжала использоваться, теперь уже в качестве контрольно-пропускного пункта. В настоящее время метро вновь работает, а столетний Обербаумбрюке является достоянием не только столицы, но и всей страны.

«Средневековый» мост Обербаумбрюке

Одно из настоящих творений Средневековья, доныне действующая церковь Мариенкирхе была возведена в 1270 году, реконструирована столетие спустя после пожара, но окончательный вид приобрела лишь в начале XV века, когда ее интерьер украсила фреска с изображением пляски смерти. Расположенная напротив церкви Красная ратуша (нем. Rotes Rathaus) строилась в 1861-1869 годах по плану Германа Фридриха Веземана. Как видно из ренессансного вида строения, архитектор был патриотом и одновременно большим поклонником итальянского зодчества. В здании, возведенном из традиционного для Берлина красного необожженного кирпича, нашли применение элементы бранденбургского строительного искусства, смотревшиеся не хуже мотивов, присущих мастерам Тосканы.

Трехэтажная ратуша увенчана 74-метровой башней, которая придает комплексу значительность и служит его визуальным центром. Аттик у подножия имеет не совсем обычную форму, поскольку оживлен аркадой, переходящей в колонны портала. На верхнюю площадку башни можно подняться, одолев 287 ступенек винтовой лестницы. Большой колокол городских часов настроен на низкую ноту «ре», а малый, отбивающий четверть часа, – на высокую «соль». Верхушку ратуши символически охраняют 8 берлинских медведей; трехметровые фигуры животных, олицетворяющих династию Асканиев, сделаны из песчаника и принадлежат резцу знаменитого немецкого ваятеля Вильгельма Вольфа. Стены здания опоясывает террако-товый фриз со сценами из истории города. Каменную летопись столицы Германии дополняет мозаичное окно над искусно выполненным главным порталом, где помещены пластические аллегории труда. Вызывая восхищение изначально, в послевоенные годы здание городского самоуправления стало объектом насмешек, ведь в нем заседал магистрат социалистического Берлина, поэтому, произнося слово «красный», западные немцы имели в виду не цвет, а политику.

Красная ратуша

Фонтан «Нептун» на площади перед Красной ратушей

Прилегающую к ратуше площадь сегодня украшает фонтан «Нептун». Созданный скульптором Бегасом в 1891 году, он был перенесен сюда из Берлинского замка, разрушенного после Второй мировой войны. Нетрудно догадаться, что в качестве основного персонажа скульптурной композиции автор выбрал морского царя. Однако не меньший интерес представляет свита, вернее, женская ее часть. Расставленные по краю фонтана девы из красного гранита, по твердому убеждению местных, составляют уникальную группу берлинок, способных «держать язык за зубами».

В отличие от остальных германцев обитатели Берлина невероятно болтливы. Каждый из них старается запомнить происходящие вокруг события, чтобы при встрече со знакомым поделиться впечатлениями. Молчаливый берлинец – явление крайне редкое. По наблюдениям путешественников, жители германской столицы не умеют общаться, а при разговоре происходит примитивный обмен монологами. Сосредоточенный вид одного из собеседников вовсе говорит о внимании: зачастую не слушая партнера, он обдумывает свою дальнейшую речь, которую начинает, едва визави замолчит. Поток слов здесь принято дополнять оригинальными фразами, антитезами, шутками, анекдотами. Знатоков юмора восхищает привычное для берлинского разговора изобилие продуманных конструкций, подобных описанию мужчины, который «выглядит как старушка, похожая на старичка».

В спорах, где берлинцы проявляют несвойственную северному темпераменту горячность, можно услышать преувеличенные угрозы и эпитеты, что свидетельствует не только о богатом воображении, но и о широком кругозоре: «Сейчас я тебе врежу так, что будешь пялиться из-за собственных ребер, как мартышка из клетки». Традиция словесных перепалок культивировалась в Берлине с варварских времен, в эпоху Просвещения поднявшись до уровня настоящего искусства. Тогдашний житель рабоче-крестьянской окраины, ругаясь с соседом, оперировал неожиданными, но удивительно меткими образами: «У тебя не все

чашки в буфете». В ученых дебатах чаще использовались философские категории: «Прощаю тебе, ведь ты глуп!».

В рассуждениях о местном острословии принято выделять такие свойства, как грубость и находчивость. Первое объясняется свободной атмосферой большого города, каждый житель которого, невзирая на статус или положение в обществе, может стать объектом насмешек. Своей находчивостью берлинцы обязаны соревновательному духу, особенно заметному в коммерческой среде, где это явление возникло при великом курфюрсте Фридрихе-Вильгельме. Его правление ознаменовалось открытием судоходного канала между Одером и Шпрее, что заметно активизировало торговлю. При нем значительно возрос уровень текстильного дела, только тогда переросшего в полноценную отрасль промышленности.

Большой канал – водная магистраль в центре Берлина

Резиденция правителя – Берлинский, или Городской, замок – находилась на острове и вместо крепостного рва была окружена водами Шпрее. Курфюрст не скрывался за толстыми стенами: каждое утро ворота крепости широко распахивались, чтобы пропустить пышную свиту на мост, названный Собачьим из-за псов, всегда сопровождавших кавалькаду всадников. Чаще всего такие вылазки совершались ради охоты, благо в ближайшем к замку лесу Тиргартен водились олени. Путь к охотничьим угодьям указывала тянувшаяся от моста прямая аллея. Проложенная еще при Асканиях, дорога была широка и всегда расчищена, словом, хороша всем, кроме окружающего вида: простиравшиеся до горизонта пески, камни, редкие пожелтевшие кусты. Такой пейзаж, безусловно, не радовал владыку, который одинаково высоко ценил и удобство, и красоту. Гораздо приятнее конные прогулки проходили после 1647 года, когда Фридрих-Вильгельм приказал уложить на песок вдоль дороги плодо-

родную почву и засадить весь путь от замка до леса молодыми липами. Именно так в Берлине появилась улица Унтер-ден-Линден (нем. Unter den Linden) – «бесконечный» бульвар под липами, где сегодня соединяются разные времена и стили, где старинные особняки и ультрасовременные постройки из стеклобетона выглядят свидетелями далекого прошлого и новейшей истории.

Проявляя бережливость во всем, что относилось к дворцовому хозяйству, курфюрст заботился о своих липах. Не полагаясь на слуг, он лично пускал пулю в лоб каждой свинье, замеченной вблизи аллеи. История сохранила курьезный указ, согласно которому егерям надлежало отстреливать свиней, стадами сбегавшихся к деревцам, чтобы полакомиться нежной корой. Потомки «хитрого лиса», как называли Фридриха-Вильгельма европейские монархи, постарались сделать бывший охотничий путь улицей-символом, наделенной монументальностью и сакральной силой по аналогии с властью германских королей. Впоследствии самый знаменитый из Гогенцоллернов, Фридрих II, не упускал случая проследовать по Унтер-ден-Линден, направляясь в Потсдам, где находилась его резиденция и где была расквартирована большая часть прусского войска.

Улица Унтер-ден-Линден. Фотография начала XX века

К началу XVII века население Берлина сильно увеличилось, достигнув 60 тысяч человек. Несмотря на военные потери, столица разрасталась в основном за счет гугенотов, потоком прибывавших из Франции: соблюдая правила Потсдамского эдикта, великий курфюрст позволял иностранным сторонникам Мартина Лютера укрываться от гонений в Германии. Берлин принимал французов дружелюбно, если не сказать с радостью, ведь приток «свежей крови» обеспечил городу значительный рост экономики. Трудно сказать, как складывались

их отношения с бюргерами, но изысканные и деятельные чужаки показали свое умение в таких тонких делах, как производство шелка, пошив одежды, ювелирное и парикмахерское искусство. С того времени грубоватый местный диалект начал пополняться легкими французскими фразами, которые придавали изящество беседам в берлинских салонах.

Дворец искусств Софии-Шарлотты

В конце XVII века Берлин стал местом, откуда по Германии распространялась культура. Немалую роль в этом положительном процессе сыграла супруга сына великого курфюрста Фридриха-Вильгельма, красавица София-Шарлотта, которой немцы во многом обязаны своей нынешней цивилизованностью. Происходя из рода Стюартов, она отличалась веселым нравом и, к счастью, не унаследовала упрямства английских королей. Получив всестороннее образование по настоянию отца, Эрнста Августа, герцога Ганноверского, принцесса говорила на двух родных языках, прекрасно владела итальянским и французским, читала на латинском, превосходно музицировала, интересовалась философией, естественными и даже точными науками. Философия являлась фамильным увлечением, поскольку ею занимались многие представители рода. Восторженной поклонницей и другом философствующего математика Рене Декарта была сестра герцога, Элизабет, а ее племянница, по примеру матери, находила удовольствие в спорах с молодым Готфридом Вильгельмом Лейбницем, которого вместе с великим коллегой свободно принимали в царственном семействе.

Став женой наследника курфюрста в 1682 году, София-Шарлотта примкнула к династии, исконно занятой вопросами власти, престолонаследия и примитивного выживания. Бесконечные войны не оставляли ни сил, ни времени для раздумий о престиже государства, в определенной мере зависящем от того, какое внимание правители уделяют культуре. Муж ганноверской принцессы, занявший трон в 1688 году, не только сознавал это упущение, но и постарался его возместить, правда, с помощью показной роскоши. Обретя власть, Фридрих поручил голландскому архитектору Йоганну Арнольду Нерингу украсить Берлин по образцу Парижа.

Берлинский Арсенал (Цейхгауз)

Рельефная скульптура на фасаде Арсенала

В начале следующего столетия город получил первое здание в модном стиле барокко, где сначала размещался Арсенал (нем. Zeughaus), а с недавнего времени находится Немецкий исторический музей. Подобно многим берлинским дворцам, Цейхгауз задумывался в качестве символа политической власти и военной мощи государства. Однако фантазия авторов превратила его в самое красивое сооружение города, настоящий шедевр немецкого барокко, чем успешно пользуются власти современного Берлина: если раньше по внутрен-

нему двору Арсенала чинно шествовали солдаты, то сегодня в нем устраиваются вечера серенад.

В облике бывшего военного склада воплощены принципы двух архитектурных школ, поскольку здание по чертежам голландца Йоганна Арнольда Неринга возводили немцы Мартин Грюнберг и Андреас Шлютер. Благодаря таланту последнего на крыше появилась великолепная пластическая композиция, логично завершившая декор фасада, выполненного Жаном де Бодтом. Среди высоких статуй на кровле особое впечатление производят 22 головы умирающих воинов. Скульптурный спектакль начинается с аллегорических фигур арифметики, геометрии, а также весьма популярных в Германии искусств пиротехники и механики.

Собственный дворец привлек внимание молодого монарха немного раньше, чем город. Перестройкой родового гнезда Гогенцоллернов занимался Шлютер, который обессмертил себя и первого бранденбургского курфюрста Фридриха конной статуей, установленной на одном из мостов столицы. Впоследствии монумент сменил адрес, украсив своими величественными формами двор загородного замка, преподнесенного правителем Софии-Шарлотте в качестве подарка на именины. При первой владелице он представлял собой не слишком обширный, огороженный стеной участок на берегу Шпрее с летним дворцом и парком. Будучи обыкновенной усадьбой, резиденция королевы называлась Лиценбург, поскольку стояла у деревни Лицов. Только после смерти Софии-Шарлотты, став настоящим дворцовым комплексом, замок получил свое нынешнее название Шарлоттенбург (нем. Charlottenburg).

Неринг приступил к проекту в 1695 году, а на рубеже веков был закончен центральный корпус – небольшая двухэтажная постройка с выступающим овальным залом. Когда курфюрст стал первым прусским королем, свита королевы увеличилась, что навело на мысль о расширении загородного дворца. Перестройку поручили шведскому архитектору Иоганну Фридриху Эозандеру. Вкусы того времени требовали версальского шика, поэтому дворец с одиннадцатью обращенными в парк высокими окнами обрел купол над главным залом и длинный фасад. Лицевая сторона королевского дома казалась длиннее, чем была в действительности, за счет боковых флигелей, где зодчий устроил жилые комнаты. Примыкавшие к правому крылу домик для кавалеров и хозяйственный блок отделывались так же роскошно, как сам дворец.

София-Шарлотта выбрала для своих апартаментов нижние комнаты, где залитые солнцем интерьеры как будто сливались с композицией парка. Цветы под террасой выращивались на восьми клумбах причудливой формы. Обрамлявшие их аллеи смыкались у большого пруда в северной части сада. Вдоль западной и восточной сторон партера тянулись ряды кустарника, который, доходя до цветника, защищал от нескромных взоров парковое убранство: скульптурные вазы, беломраморные статуи, растения, привезенные из дальних стран специально для прусской королевы.

Башня с куполом во дворце Шарлоттенбург

Большая дубовая галерея дворца воплощала в себе лучшие достижения мастеров берлинского барокко. Монарху это великолепное помещение виделось залом для приемов, потому его отделка отличалась особой тщательностью; больше всего постарались резчики, сумевшие покрыть тонкой резьбой практически все вертикальные поверхности. В отличие от барочной галереи декорированные в мягких пастельных тонах Белая и Золотая комнаты стали прекрасными образцами стиля рококо. Если бы королева строго придерживалась тра-

диций, то соседняя комната могла бы называться Китайской, но ее назвали Фарфоровой, поскольку здесь хранилась ценная посуда, преимущественно китайский и японский фарфор.

Немного позже интерьеры дворца дополнились изумительными по изяществу банкетными залами, которые спроектировал и построил придворный зодчий Георг Венцеслаус фон Кнобельсдорф. Королевские покои, располагаясь рядом с приемными, не избежали парадности в отделке, но главным их украшением послужило не золото на стенах, а французская живопись – полотна Антуана Ватто, Николя Лансере и Жана Симеона Шардена. Сегодня в бывших спальных апартаментах, помимо картин, можно увидеть изысканную коллекцию табакерок и дворцовую утварь, часть которой относится ко временам Софии-Шарлотты.

Первая прусская королева почти не интересовалась зданиями и монументами, уделяя гораздо большее внимание изящным искусствам, в частности литературе, живописи, музыке. Она превратила свою летнюю резиденцию в культурный центр, где избранная публика могла наслаждаться тем, что вызывало неодобрение лютеранской церкви. В специальном зале летнего дворца почти каждый вечер давал концерты камерный оркестр, в нем проходили первые спектакли знаменитой берлинской оперы, собирались поэты, ученые, в том числе и богословы. Энергичная, остроумная, сведущая в науках королева устраивала диспуты, приглашая самых именитых философов своего времени. В летописях отмечено, что в Шарлоттенбурге красноречивый проповедник Якоб Шпенер яростно спорил со своим коллегой, лидером реформаторской конгрегации Даниелем Яблонски. После чтения книг, подобных «Словарю» Пьера Бейля, возникали дискуссии на такие щекотливые темы, как экуменизм, то есть возможность слияния конфессий.

В 1696 году заботами Софии-Шарлотты в Берлине появилась Академия искусств, которая вначале существовала на средства королевской семьи. Немного позже германская столица пополнилась еще одним полезным учреждением – Академией наук, так необходимой немецким ученым, до того вынужденным работать за границей. Первым ее президентом был назначен старый друг королевы Лейбниц. Вскоре членом Академии стал и другой личный знакомый Софии-Шарлотты, ведущий немецкий астроном Готтфрид Кирх.

Интерьер дворца Шарлоттенбург

Жена правителя не оставляла без внимания культуру страны, даже будучи тяжело больной. В ее предсмертных дневниках трудно найти слова жалоб или сожаления об окончании жизни, напротив, она рассматривала свое положение с научной точки зрения, воспринимая скорую смерть как своеобразный эксперимент: «Ныне я отхожу, чтобы удовлетворить любопытство касательно первопричин вещей, которые Лейбниц так и не смог мне объяснить – познать пространство и бесконечность, бытие и небытие, а для моего монаршего супруга я приготовила погребальную драму, которая, надеюсь, предоставит ему новую возможность продемонстрировать свое величие».

Во времена Фридриха Великого к основному корпусу дворца был присоединен флигель, получивший незатейливое название Нового. Устроенный перед ним парк состоял из двух рядов зеленого партера, эффектно окаймленного липами. Король не любил шумную столицу и еще меньше теплых чувств питал к Городскому замку. Он жил в Шарлоттенбурге поневоле, ожидая завершения работ в потсдамском дворце Сан-Суси.

Не слишком обширные помещения Нового флигеля предполагалось использовать как летние комнаты короля. При Фридрихе-Вильгельме II их отделали в простой немецкой манере, а затем в смешанном китайско-этрусском стиле. На рубеже веков к летним апартаментам были пристроены зимние, убранные по канонам классицизма, тогда только начинавшего входить в европейскую моду.

С восшествием на престол Фридриха-Вильгельма III во флигеле разместилась его супруга королева Луиза, превратившая скромные покои в элегантный женский будуар с великолепной спальней из груши, созданной по рисункам знаменитого архитектора Карла Фридриха Шинкеля. Интересно, что сам король поселился в женских комнатах на первом

этаже, там, где провела одинокие годы королева Елизавета-Кристина, нелюбимая супруга Фридриха Великого.

Бельведер Шарлоттенбурга

Загородный дворец прусских монархов часто перестраивался и расширялся, обретая новые корпуса, интерьеры, парковые композиции. Первый этап строительства завершился только в 1788 году, когда придворный зодчий Карл Лангханс возвел Бельведер, до сих пор сохранивший значение центра ландшафтного парка. Сейчас в овальном павильоне этой

изящной постройки на высоком берегу Шпрее, с ее тайными комнатами и миниатюрным балкончиком для пары влюбленных, выставлена коллекция фарфора.

Одно из самых крупных изменений произошло в пору правления Фридриха Вильгельма II, когда после увеличения западного крыла в Шарлоттенбурге появился театр. Построенный Карлом Готхардом Лангхансом, он недолго использовался по назначению, постепенно став местом проведения выставок, а затем и полноценным музеем. Именно здесь берлинская публика восхищалась предметами, привезенными из знаменитой троянской экспедиции Генриха Шлимана, которые положили начало фондам Музея первобытной истории.

С 1840 года некоторые из парадных залов Старого дворца после небольшой переделки использовались в качестве покоев Фридриха-Вильгельма IV и королевы Елизаветы. После сноса городских дворцов Берлина и Потсдама сюда доставлялись мебель, картины, статуи, которые сегодня представляют особую ценность, поскольку являются частью исторических памятников. Более поздние, чудом уцелевшие королевские резиденции Шёнхаузен и Ораниенбург можно увидеть из окон овального зала дворца, откуда, кроме того, открывается вид на мрачную крепость Шпандау.

Планируя дворцовый парк, владельцы согласились на предложение прибывшего из Парижа зодчего Симеона Годо, известного пристрастием ко всему, что создавалось на его родине. Благодаря участию француза зеленая зона вокруг берлинского дворца приобрела легкомысленный характер барочных садов Версаля, с его дорожками-лабиринтами и фонтанами. Немаловажную роль в создании характерного вида парка сыграли экзотические растения из Большой оранжереи, пристроенной к западному крылу Старого дворца в 1712 году. Предназначенная для сохранения теплолюбивых цитрусовых деревьев в зимнее время, она представляла собой вытянутое одноэтажное здание с красивой отделкой фасада.

Большая оранжерея

Середину роскошной теплицы занимал выступавший с обеих сторон павильон правильной прямоугольной формы. Главным внутренним помещением являлся зал с колоннами в три ряда, которые указывали путь в комнаты боковых флигелей, где стены были украшены пилястрами. Разрушенная во время войны Большая оранжерея, по словам немецких журналистов, «буквально возродилась из пепла». Однако подобный отзыв не совсем правильно отражает события, ведь реставрация в самом деле была очень долгой. К середине 1962 года на потолке среднего салона появилась оригинальная роспись: местный художник Петер Шуберт, работая в технике имитации, наделил плоский потолок зала живописными элементами, похожими на архитектурные детали.

В летние месяцы дворцовая оранжерея преображалась в приемный зал, где Гогенцоллерны встречали посланников, давали шумные балы, а если возникала необходимость, здесь проводились свадебные церемонии. В настоящее время огромное здание сдается в аренду для разовых выставок или многолюдных мероприятий.

В конце XVIII века европейское общество увлекалось классицизмом. Строгая простота, прямые линии, чистые пространства этого стиля противоречили легкомысленному барокко, черты которого все еще сохранял французский парк Шарлоттенбурга. Следуя веяниям времени, его начали постепенно менять на английский пейзажный сад. На месте открытых аллей появились холмы, «настоящие» озера заменили устаревшие бассейны и клумбы. После масштабных переделок парк стал напоминать заброшенную римскую виллу с беседками, гротами, античной скульптурой и Эрмитажем – отдаленным изящным зданием, обычно служившим для интимных свиданий. Непременной принадлежностью богатых парков того времени были руины, как в классической архитектуре назывались постройки жалкого, нарочито запущенного вида, возводимые с использованием фрагментов римских зданий. Владельцам Шарлоттенбурга не удалось приобщиться к прелести далекого прошлого, поскольку имитация развалин требовала средств, а денег в тот момент им очень недоставало.

Наследник Фридриха Великого посчитал зеленую оправу вокруг Шарлоттенбурга запущенной и весьма устаревшей по стилю. Превращение старого сада в современный ландшафтный парк было поручено зодчему Йоганну Августу Айзербеку, до того работавшему в городке Вёрлитц. Начатое им дело вытеснения барокко продолжил и довел до конца знаменитый мастер Петер Йозеф Ленне, после которого в дворцовом саду не осталось даже напоминания о позолоте и «вульгарных завитушках».

Первые ландшафтные участки представляли собой широкие лужайки с крупными цветочными клумбами и отдельными группами древовидных кустарников. Точный расчет позволил создать целую систему дорожек, пересекавшихся или резко огибавших кусты, устремленных вдаль, как и каналы, которые направлялись к цветникам от реки. На западной оконечности появился сухой ров, откуда можно было любоваться полями, не выходя за пределы королевского парка. С 1810 года в одном из тихих уголков рядом с декоративными беседками был построен мавзолей – память о прекрасной королеве Луизе, увековеченная в камне ее сыном, Фридрихом-Вильгельмом III.

Последний этап оформления замка относится к творчеству Шинкеля. В 1824 году король поручил своему придворному архитектору сооружение павильона, подобного итальянской вилле Кьятамоне. Впоследствии этот небольшой летний домик получил имя создателя.

Мавзолей королевы Луизы

В бурном XIX веке Берлин достиг колоссальных размеров. Городские кварталы, площади, учреждения и заводы требовали новых территорий, значительная часть которых была заимствована у Шарлоттенбурга. Особенно сильно ландшафтный парк уменьшился с северной стороны, где пролегла железнодорожная линия Берлин-Гамбург вкупе с несколькими столичными улицами. Первый прусский кайзер решил снова упорядочить парк, причем вместе с окрестностями, получившими правильную геометрическую форму.

Сегодняшний Шарлоттенбург – музей мирового уровня, одно из самых посещаемых мест в Германии и лучшая площадка для проведения культурных мероприятий. Во время Второй мировой войны дворец не раз попадал под обстрел, пострадав настолько сильно, что власти, расчищая Берлин от завалов, распорядились взорвать руины.

При катастрофическом положении послевоенной Германии его реставрация казалась делом невозможным, поэтому чиновники решили использовать привычный способ уменьшения затрат при нехватке денег. Однако против сноса резко выступила творческая интеллигенция, прежде всего Маргарет Кюн, тогдашний директор музея Шарлоттенбург. Энергичная, преданная своему делу дама добилась отмены сурового решения весьма неординарным способом: покинув берлинскую квартиру, она переселилась в полуразрушенный дворец, куда пригласила друзей, врагов и прессу.

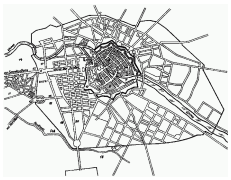
На следующий день в газетах появилась фотография фрау Маргарет, лежавшей на кровати среди развалин. Откровенность, с которой на фото представлялась ситуация, грозила политическим скандалом. Вандализма не произошло, власти сдались: здание, более трех веков украшавшее немецкую столицу, было спасено.

Руководствуясь первоначальным проектом, немецкие реставраторы сумели полностью восстановить партер, и перед главным корпусом вновь появились цветочные клумбы в пышном стиле барокко. В результате последних реставрационных работ, проведенных в начале нового тысячелетия, внутренняя часть парка Шарлоттенбург приобрела вид классического английского сада.

Скульптурная композиция перед парадным входом дворца Шарлоттенбург

Архитектурный пантеон

Подарив супруге летний дворец, король Фридрих I больше ничего не предпринимал для украшения столицы, ибо интересовался только армией, а следовательно, предпочитал вкладывать средства в насущные постройки, например в тренировочные плацы. Тем не менее город процветал и без королевского внимания. В 1709 году к Берлину присоединились города Фридрихсвердер, Фридрихштадт, Доротеенштадт и более значительный Кёльн с великолепным дворцом. Единая столица Пруссии получила название резиденции короля, сохранив его навсегда.



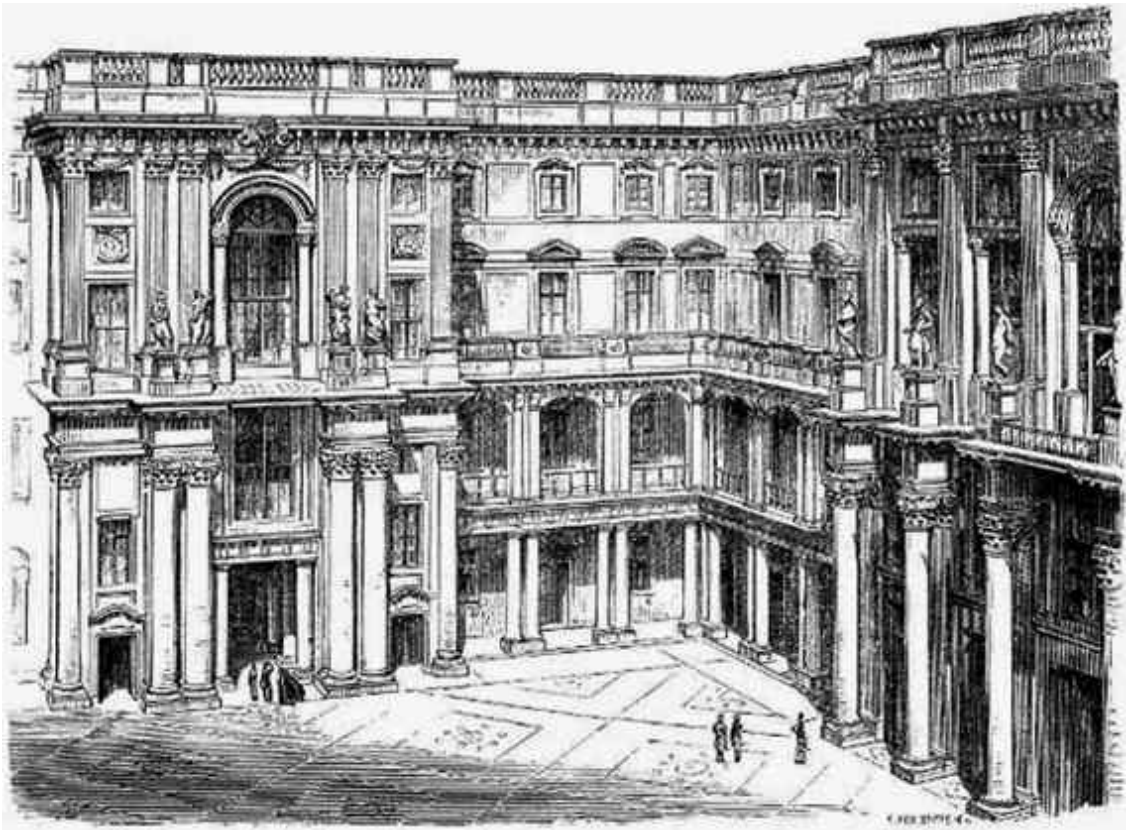
План старого Берлина: 1 – Берлинский замок, 2 – Церковь святого Николая, 3 – Арсенал (Цейхгауз), 4 – Александерплац, 5 – Жандармская площадь, 6 – Парижская площадь, 7 – Мюлендамм, 8 – Старый Кёльн, 9 – Старый Берлин, 10 – Фридрихсвардер, 11 – Южная часть парка Тиргартен, 12 – Потсдамские ворота, 13 – Бранденбургские ворота, 14 – Северная часть парка Тиргартен, 15 – Лейцпцигерштрассе, 16 – Фридрихштадт, 17 – Доротеенштадт, 18 – Крейцберг, 19 – Вильгельмштрассе, 20 – Фридрихштрассе;

– средневековые поселения;

– остатки оборонительных сооружений старого города;

– таможенная стена 1735 года

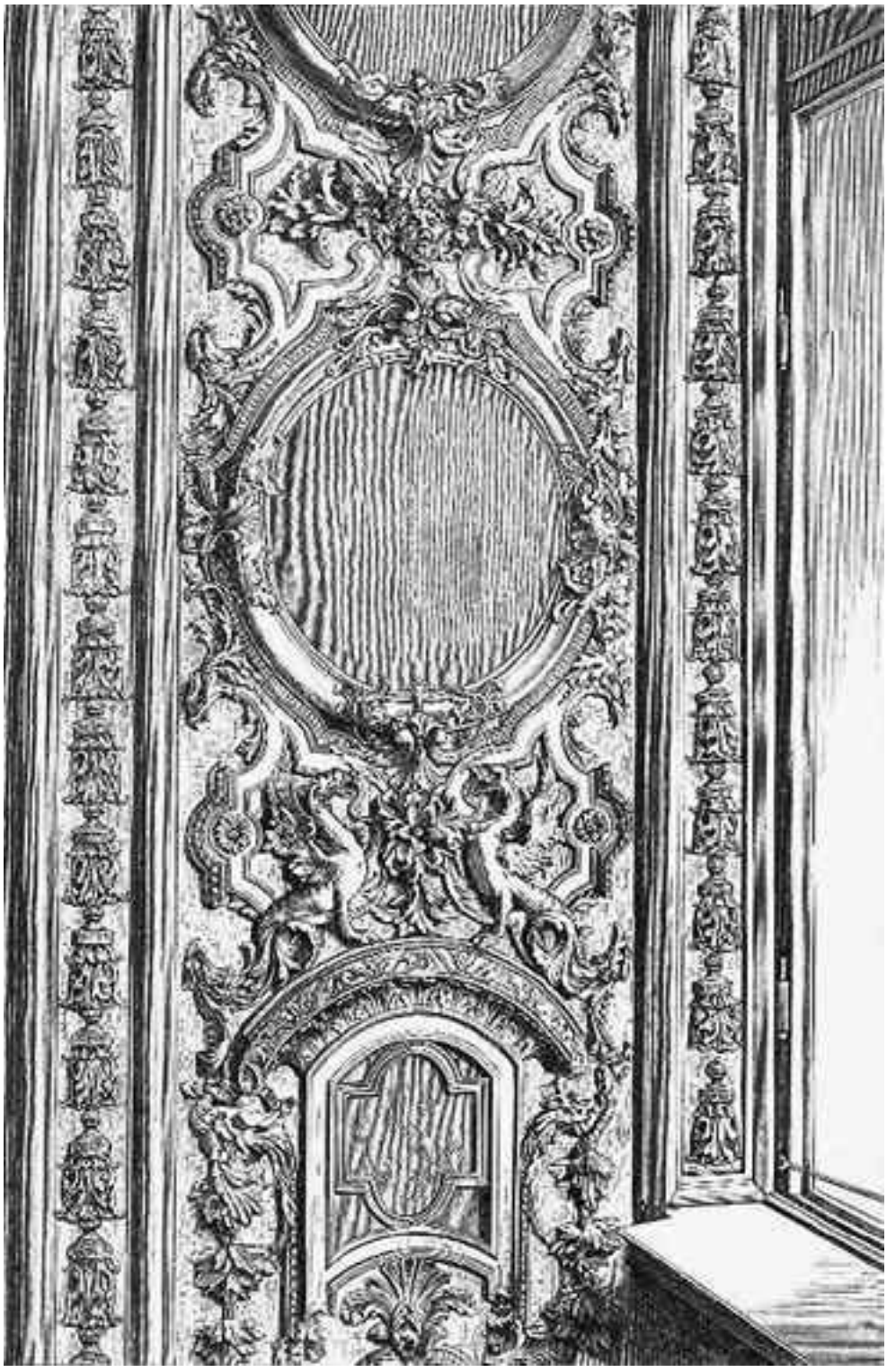
Следующий правитель, Фридрих-Вильгельм I, украшал и расширял Берлин принудительно, сумев при том возвести около тысячи новых зданий. Соотечественники называли отца Фридриха Великого весьма обидными словами: «скряга», «болван», «варвар». В действительности он не отличался глупостью и был достаточно образован, но многие его достоинства выглядели как пороки, например прямота, доходя до крайности, превращалась в грубость, а экономия зачастую оборачивалась скаредностью.



Двор Берлинского замка

Царствование Фридриха-Вильгельма I началось с жестких преобразований, затронувших едва ли не все сферы жизни государства. Король объявил себя военным министром и министром финансов. Осуждая расточительность предшественника, он стремился к экономии, в чем немало преуспел. Жалование служащим уменьшилось примерно в пять раз и во столько же увеличились налоги, которые теперь распространялись в равной мере на всех жителей страны, не исключая обнищавшее простонародье. Золотые монеты поступали в казну неиссякаемым потоком, накапливаясь в бочках, занимавших все больше и больше места в подвалах Берлинского замка. Обладание тысячами таких бочонков представлялось королю залогом государственной мощи. Не ограничиваясь деньгами, Фридрих-Вильгельм приобретал массивные изделия из серебра, в которых, по замечанию современников, «искусство имело меньше значения, нежели материальная ценность».

Возведенный в пределах Берлинского замка дворец короля имел форму четырехугольника, обращенного удлиненным фасадом к парку. Две короткие стороны здания защищались рекой и улицей, одновременно служившей набережной южного рукава Шпрее. Через водный поток был переброшен мост, по-прежнему деревянный, но именовавшийся уже не Собачьим, а Замковым. Его украшали восемь мраморных групп, представлявших Афину Палладу в сценах воспитания греческого воина. Внутренние окна дворца выходили на площадь, вернее, два парадных двора, один из которых был оформлен бронзовой композицией «Святой Георгий, убивающий дракона» работы мастера Кисса.



Оформление стены в одном из коридоров Берлинского замка

Почти все дворцовые постройки относятся к началу XVIII века, хотя отдельные башни сохранили вид, как эпоху курфюрстов, более того, некоторые детали остались от родового замка Гогенцоллернов. Перед главным порталом расположились четыре скульптурные группы, отлитые из бронзы по моделям мастера П. К. Клодта в Санкт-Петербурге и подаренные императором Николаем I прусскому королю. В парадных покоях дворца имелось немало исторических памятников. Особого внимания заслуживал рыцарский зал с троном, отделанным серебряной чеканкой и драгоценными камнями. Для картинной галереи зака-

зывались произведения современников, в основном полотна батальной тематики. Роскошью убранства отличалась дворцовая капелла с высоким куполом и залом, позволявшим разместить более тысячи человек.

По слухам, в кабинете королевы «стояла золотая мебель, и тот же драгоценный металл уходил на изготовление ручек каминных щипцов, лопаток и кофейников». Однако, если верить историкам, даже королевские покои не миновал царивший по всей стране режим крайней экономии. Второй после золота страстью короля была армия: Фридрих-Вильгельм I копил солдат как монеты, в итоге доведя численность прусского войска до 80 тысяч человек. Удивительно, что при великолепной выучке и оснащении в серьезных походах его армия не участвовала.

К моменту кончины короля в 1740 году население Берлина составляли 100 тысяч человек. Тогдашняя Пруссия активно утверждалась на европейской политической арене, а ее столица выглядела хотя и большим, но все же провинциальным городом. Сын покойного монарха, Фридрих II, еще при жизни заслуживший прозвище Великий, постарался исправить положение. Ратные подвиги этого государя превратили страну в грозную военную державу, управлявшуюся из центра, которым вскоре стал огромный, презентабельный на вид и главное, передовой во многих отношениях Берлин.

Бранденбургские ворота

Появившиеся тогда монументальные здания, оперный театр, Королевская библиотека, красивые жилые дома и множество дворцов в целом представляли собой настоящее собрание шедевров классического зодчества. Подъездным путем являлся широкий проспект Унтер-ден-Линден, а достойным входом в своеобразный архитектурный пантеон служили Бранденбургские ворота (нем. Brandenburger Tor), законченные в 1793 году, уже после смерти великого короля. Образцом для них послужили пропилеи афинского Акрополя. Украшенные статуями Марса, Минервы и многочисленными аллегорическими фигурами, они

возвышались на въезде в город и были призваны олицетворять мощь прусских войск. Идею помпезного сооружения из песчаника осуществил архитектор Карл Готхард Лангханс, но самую эффектную деталь – квадригу с богиней победы Викторией – в 1868 году выполнил знаменитый скульптор, родоначальник немецкого классицизма Готфрид Шадов. Для большего эффекта обе стороны Бранденбургских ворот были дополнены двумя пристройками в виде греческих храмов. Случилось так, что знаменитой колеснице пришлось проскакать по Европе едва ли не галопом: захватив Берлин, Наполеон распорядился снять ее и отправить во Францию, а прусские солдаты, вскоре захватив Париж, постарались вернуть скульптуру на исконное место.

Давний ритуал требует от каждого вновь прибывшего в город пройти или проехать через легендарную арку, но сами берлинцы исполняют эту церемонию гораздо чаще приезжих. В 1930-х годах через Бранденбургские ворота проходил маршрут нацистских факельных шествий, через них старались проехать правители государства, почетные гости столицы, впрочем, с недавних пор в целях сохранения памятника всякое движение транспорта через ворота запрещено.

Колонны Бранденбургских ворот

Вид на город между колоннами Бранденбургских ворот

При Фридрихе Великом деревянный Замковый мост был разобран, а на его месте появился каменный. Существующее ныне сооружение появилось гораздо позже, в 1824 году, и, работая над проектом, архитектор Карл Фридрих Шинкель надеялся на то, что «в будущем мост образует гармоничное целое с прекрасной Унтер-ден-Линден, а посему главной в нем должна быть эстетическая сторона». Пожелание зодчего исполнилось в полной мере. Широкий, прямой, по-берлински оформленный крупной скульптурой, Замковый мост производит неизгладимое впечатление. Выполненные по рисункам Шинкеля чугунные решетки парапета так же традиционно украшены фигурами древнегреческих богов и сопутствующих им существ – морских коней, дельфинов, тритонов.

Скульптурная группа на Замковом мосту

Судьба распорядилась так, что Берлину в короткий отрезок времени довелось испытать славу победителя и унижение побежденного. В XVIII веке завоеватели приходили к его стенам дважды: в 1742 году город на один день захватили австрийцы, а в 1760 году в нем на более длительный срок остались русские. Удивительно стойко выдерживая невзгоды, столица Германии отличалась жизнестойкостью, прежде всего в интеллектуальном плане. Благодаря просветительской деятельности философа-идеалиста Мозеса Мендельсона, она превратилась в центр европейского просвещения. Именно в это время были заложены музыкальная и театральная традиции, что ознаменовалось премьерами драматических спектаклей «Минна фон Барнхельм» и «Гёц фон Берлихинген». Примерно в то же время берлинцы толпами собирались у входа в Оперу – настоящий дворец музыки, где публика рукоплескала прославленной труппе под руководством композитора Карла Генриха Грауна. На подмостках одного из лучших в Европе театров выступали лучшие артисты мира. Кроме Фаринеллы и Пинти, здесь блистала Барбарини, в которую, по слухам, был влюблен Фридрих Великий. Симпатия старого короля доходила до приглашения танцовщицы на ужин, где обычно присутствовали только мужчины.

Берлинская Опера

Придворный театр, позже получивший статус Немецкой государственной оперы, располагался в удивительно красивом здании, к счастью, уцелевшем при штурме Берлина. Недавняя его реконструкция проводилась по-немецки тщательно и весьма осторожно, поэтому в интерьере сохранились все черты первоначальной отделки: лепнина, люстры, канделябры, стилизованная под рококо мебель. В двух залах – Большом и малом, посвященном Аполлону, раньше представляли классику. В годы социализма здесь можно было увидеть и услышать произведения композиторов из социалистических стран, в основном С. Прокофьева. В настоящее время репертуар резко изменился и нынешние берлинцы ходят в Оперу, чтобы послушать музыку Моцарта, его современников и предшественников.

При Фридрихе II небывалым блеском отличались придворные праздники. «Каждое торжество было великолепным зрелищем для людей тщеславных, то есть почти для всех. Все видели его за столом, окруженного тридцатью принцами; он обедал на прекраснейшей в Европе золотой посуде, тогда как тридцать красивых пажей и столько же скороходов в роскошных костюмах приносили большие блюда из массивного золота», – восхищались историки Берлином тех времен. Потомки не напрасно дали своему самому воинственному королю столь почетное прозвище. Прекрасный правитель, образованный, открытый, терпимый ко многим проявлениям, он, в отличие от большинства предшественников, был сказочно богат. К моменту коронации его личные средства составляли миллионы талеров наличными, а также серебряные и золотые предметы из Берлинского замка. Терпимость государя простиралась от свободы вероисповедания до традиционной лояльности к немецкому населению, например, к евреям.

Фридрих очень серьезно готовился ко всем военным кампаниям, словно чувствуя, что каждая из них может оказаться решающей. К окончанию второй Силезской войны «из казначейства было изъято шесть миллионов талеров, со всего государства был сделан поземель-

ный побор в полтора миллиона. Вся серебряная утварь, украшавшая дворец: канделябры, столы, люстры, камины обращались в деньги».

К концу похода от королевской наличности почти ничего не осталось, но казна не истощалась во многом благодаря активной деятельности банкирского дома «Эфраим и сыновья». Летом 1746 года прусские солдаты вторглись в Саксонию, начав третью Силезскую (Семилетнюю) войну, по окончании которой берлинский финансист Натан Фейтель Эфраим, согласившись на довольно тяжелые для себя условия, арендовал монетный двор в захваченном Лейпциге и наладил выпуск имперских талеров, как оказалось позже не самого лучшего качества. Чеканка иностранных денег сама по себе не считалась фальшивомонетничеством, правда, если при том соблюдались первоначальные характеристики монет. История знает подобные примеры, но прусский вариант представил не самый лучший их них.

Непомерные требования короля привели к обесцениванию продукции саксонского монетного двора, в связи с чем Фридрих Великий не уставал напоминать своим денежным поставщикам, что их монеты не должны попадать в Пруссию. Впрочем, эти меры не помогли устранить недостатка средств, ведь саксонские деньги не покрывали затрат Семилетней войны. Берлинцы называли монеты эфраимитами, таким образом выражая разочарование прусского населения, явно страдавшего от обесценивания денег. Непопулярность их в народе отразилась в куплетах, которые в свое время можно было услышать на улицах Берлина:

Прекрасны снаружи, ужасны внутри,
Фридрих снаружи, Эфраим внутри.

Вину за монетные махинации, конечно, возложили на евреев, так как арендаторами королевских и многих других монетных дворов являлись в основном представители этой нации. Однако неприязнь соотечественников почти не сказалась на благополучии Эфраимов. При Гогенцоллернах они были в фаворе, а глава предприятия достиг ранга тайного советника. Занимаясь денежным обманом, компания действовала по указке свыше и наверняка опасалась последствий незаконного обогащения. Разоблачение означало бы не только потерю предприятия, но и потерю головы, чего, к счастью, не случилось. В исторической литературе о денежных аферах Фридриха Великого упоминается редко, зато имя банкира Натана Фейтеля Эфраима стало символом «еврейского ростовщичества» и нелестным эпитетом для еврея.

Миниатюрный дворец Кноблаухаус

О том, какую выгоду имел от вышеназванных операций банкирский дом, свидетельствует дворец Эфраима на Постштрассе. Раньше это элегантное сооружение с завитушками рококо на фасаде располагалось вблизи Красной ратуши, то есть в самом престижном районе Берлина. Построенное в 1764 году, через полтора века оно было снесено, поскольку мешало работам по расширению моста Мюлендаммбрюке. Благодаря сохранившимся фрагментам особняк удалось восстановить, хотя и не на прежнем месте. Теперь в доме знаменитого финансиста выставляются графические произведения и предметы, связанные с городской историей. Здесь же на Постштрассе находится Кноблаухаус (нем. Knoblauchhaus) – самое старое здание в районе Николайфиртель. Имена первых владельцев этого миниатюрного дворца неизвестны, но в документах упоминается о жившей в нем с XVIII века семье Кноблаухов, после которых постройка перестала быть жилой и превратилась в музей. Истории обычного бюргерского рода посвящена экспозиция на втором этаже, а выше, в комнатах под средневековой крышей, можно ознакомиться с домашним убранством в стиле бидермейер. Традиция требует устройства в каждом берлинском музее ресторана. В Кноблаухаус таковой имеет интерьер, стилизованный под старину и соответствующую кухню с отменными, но недешевыми блюдами.

В тени вековых дубрав

Во времена правления Фридриха-Вильгельма II и Фридриха-Вильгельма III при значительном росте населения Берлин не увеличивался вширь. По мере надобности многие из старых домов надстраивались до 4 этажей и такой же высоты зданий власти требовали от новых застройщиков. В начале XIX века светская жизнь проходила в пределах квартала Фридрихштадт, который едва достигал размеров города-крепости великого курфюрста, составляя малую часть сегодняшнего мегаполиса. Четверть миллиона обывателей ютились вдоль рукавов Шпрее и в районах, примыкавших к Унтер-ден-Линден. Прогрессивная знать теперь селилась подальше от королевского дворца, предпочитая виллы в зеленой зоне Тиргартен. Богатые буржуа упорно не покидали центр, где было уютно зимой и не слишком комфортно летом. С наступлением тепла семьи коммерсантов переселялись в окрестные деревни, проводя лето так, как в старину это делали королевские особы.

Гостиная богатого берлинского дома. Фотография начала XX века

Очаровательный архитектурный ансамбль на Павлиньем острове (нем. Pfaueninsel) можно представить в качестве примера простой сельской жизни непростых людей. Деревенское существование королей проходило в обширных загородных усадьбах и не мыслилось без молочной фермы в виде готических развалин, павлинов и множества экзотических животных. Обустраивать остров начали в самом конце XVIII века по приказу Фридриха-Вильгельма II, племянника и наследника Фридриха Великого. В оригинальных формах замка увековечен вкус и фантазия подруги короля Вильгельмины Энке, будущей графини Лихтенау. О том, насколько удачным было ее сотрудничество с придворным архитектором Ленне, можно судить по тому, что следующий монарх избрал Павлиний остров местом своей резиденции, причем не летней, а основной. Тотчас по завершении отделки помещений владельцы закупили коллекцию растений и редких животных, в дальнейшем привозимых

со всех концов света. В настоящее время местность вокруг дворца является ландшафтным парком.

Страстный любитель охоты курфюрст Иоахим II велел своему придворному зодчему Каспару Тайсу построить охотничий домик в дубраве, каковую еще в 1542 году приглядел на берегу озера Груневальдзее. Появившееся вскоре сооружение в стиле ренессанс являлось настоящим замком, хотя по желанию короля получило название Дом в зеленом лесу (нем. Haus am Grunen Walde), как позже стал именоваться ближайший к нему район. В начале следующего столетия здание перестроили в духе барокко, к сожалению, полностью уничтожив первоначальный декор.

Нынешний охотничий замок Грюневальд (нем. Grunewald) – дворцовый комплекс и этнографическо-зоологический музей – удивляет своей пустынностью. Сказочной красоты местность, старый, но прекрасно сохранившийся дом почему-то не привлекают внимания туристов, что не слишком печалит служителей уникального музея. Осмотр местных достопримечательностей можно начать уже из вагона поезда: две первые платформы, подземный переход и само здание вокзала отнесены к памятникам старинной архитектуры. В замке хранится коллекция немецкой и голландской живописи XV–XIX веков, которой могли бы позавидовать многие музеи, в частности посетители могут увидеть полотна Лукаса Кранаха Старшего. В отдельном павильоне помещено собрание охотничьего снаряжения и трофеев.

Название Тиргартен (нем. Tiergarten) означает «зоологический сад», хотя раньше здешнюю полосу леса, раскинувшуюся между двумя рукавами Шпрее, курфюрсты использовали для охоты. При королях большую ее часть занимал парк, который позже рассекла главная транспортная магистраль города – улица 17 Июня, дополненная эффектной площадью Большой Звезды с Триумфальной колонной. Последняя представляла собой художественно оформленный столб, отлитый из трофейных пушек в качестве символа непобедимости прусского оружия. Его создание относится к концу XIX века, когда германцы одержали ряд блестящих побед в войнах с Данией, Австрией и Францией. Прусский король решил отметить эти знаменательные события общим памятником, о котором впоследствии с восторгом отзывалась европейская пресса: «От Бранденбургских ворот почти до Шарлоттенбурга тянется обширнейший парк – всем известный Тиргартен, занимающий площадь в 250 га. Парк этот служит излюбленным местом прогулок берлинского населения и вообще пользуется огромной популярностью у берлинцев, главным образом потому, что не потерял еще характера леса, несмотря на все заботы, прилагаемые к его украшению. Шарлоттенбургское шоссе делит его на две части. На меньшей, северной, находится Королевская площадь с памятником победы, установленным в память войны 1870–1871 годов. Южная протянулась до чрезвычайно красивой Тиргартенской улицы со сплошным рядом прелестных вилл. Открытый 2 сентября, через два года после закладки первого камня, этот памятник победы исполнен по проекту архитектора Штракка ваятелями Гладенбеком и Драке. Он имеет 61,5 м вышины, одна колонна из песчаника достигает 20,4 м. Последняя окружена 3 рядами пушек (20 французских, 20 австрийских, 20 датских) и утверждена на пьедестале, имеющем форму восьмиступенной круглой террасы. Цоколь с надписью „Победоносному воинству – благодарное Отечество“ окружает портик, поддерживаемый 16 колоннами, вышиной 5 м каждая. Четыре горельефа внизу изображают главные моменты трех походов. Портик украшен мозаичными картинами аллегорического содержания, а сам памятник увенчан бронзовой фигурой богини Виктории».

Триумфальная колонна с Золотой Элизабет на вершине

Как видно из статьи, вначале Триумфальная колонна стояла на площади, где вскоре началось строительство Рейхстага. В 1938 году в связи с переустройством городской территории он был перенесен на нынешнее место. Однако в прежнем варианте и на более просторном участке он показался фюреру слишком низким, что решено было исправить устройством на вершине 9-метровой статуи богини победы, которую остроумные берлинцы стали называть Золотой Элизабет. В последние годы 17-метровая фигура со штандартом в правой руке и венком победителя в левой является центром голографических представлений.

В остальные дни памятник служит украшением города и по совместительству – смотровой площадкой, ведь внутри колонны имеется крутая лестница, 265 ступеней которой ведут к подножию статуи, откуда виден весь город.

Раньше восточная сторона Тиргартена являлась политическим и деловым центром столицы, и неслучайно именно здесь, на Парижской площади, появился первый в Европе светофор. Посетители южной части парка могли видеть памятники Фридриху-Вильгельму III (тоже работы Драке), королеве Луизе (работы Энке), Иоганну Вольфгангу Гёте (работы Шапера) и различные скульптурные группы. На противоположном от парка берегу Шпрее располагался собственно зоологический сад, ухоженный, прекрасно оборудованный и охотно посещаемый берлинской публикой.

В последние дни Второй мировой войны Тиргартен стал зоной самых жестоких боев, поэтому легко представить, как он выглядел по завершении военных действий. Деревья парковой зоны использовались как дрова, практически все жилые кварталы были разрушены до основания, и реконструкция их представлялась делом безнадежным. Там, где недавно кипела жизнь, где радовали взор красивые дворцы и уютные площади, раскинулись пустыри, своим унылым видом напоминавшие о недавнем кровопролитии. Восстановление заброшенной местности началось только в 1949 году и сразу с торжественной акции: бургомистр Эрнст Ройтер посадил лимонное деревце, а потом к нему присоединились горожане. Жители многих немецких городов поднесли в подарок берлинцам саженцы, за что имена были занесены на памятный камень главной аллеи.

С разделением германской столицы Тиргартен превратился в приграничную зону. Основная стройка на его территории развернулась после объединения Германии, когда парк и прилегающие к нему постройки оказались в самом центре города. Правда, власти Западного Берлина пытались вернуть район к жизни, не слишком удачно вложив огромные средства в строительство Культурного форума и Дома культуры народов мира. Последнее, похожее на ракушку здание с изогнутой крышей возвели в качестве американского Дворца конгрессов. Спустя 30 лет крыша грандиозного сооружения развалилась, но, вскоре восстановленное, с новой кровлей, оно преобразилось в выставочный комплекс и одновременно концертную площадку, где, кроме прочих мероприятий, проходят показы кинофильмов фольклорной направленности. Именно с этого момента Дворец конгрессов стали именовать Домом культуры народов мира. К 750-летию Берлина в огромном фонтане перед его входом появилась бронзовая статуя работа Генри Мура – нечто среднее между бабочкой и устрицей, за ко-торые муниципалитет заплатил 3,5 миллиона марок. Берлинцы восприняли странную скульптуру с юмором, сразу окрестив здание «беременной устрицей». Сегодня стоящий на берегу Шпрее дом-дворец привлекает своими экзотическими кафе с европейскими, средиземноморскими, индийскими, китайскими блюдами. Летом все учреждения общественного питания переезжают на террасу с видом на реку. Жители германской столицы предпочитают гулять поздно вечером или ночью, когда в городе сияет иллюминация и «ракушка» становится похожей на летающую тарелку.

Набережная в центре Берлина

Поскольку сегодняшний Тиргартен расположен в самом центре Берлина, именно он стал главным центром городского отдыха. Люди приезжают сюда, чтобы полежать у воды или покататься на велосипедах. В теплые дни на широких дорожках парка происходит настоящее вавилонское столпотворение: молодые фрау катят нарядные коляски в окружении старших детей, семейства обгоняют стайки роллеров, рядом гоняют мяч футболисты, неспешно бродят одинокие пенсионеры, причем друг другу представители каждой из этих категорий нисколько не мешают, поскольку придерживаются «своих» площадок. Романтично настроенные парочки спускаются к темной глади озера Нойерзее, где в теплое время года можно покататься на лодке, с наступлением холодов – на коньках и в любой сезон отдохнуть за кружкой пива в кафе, названном в честь прекрасного озера.

Хижины – рабочим, дворцы – всем остальным!

Осенью 1806 года наполеоновские войска вторглись в Германию, практически без труда захватили Берлин и оставались в нем около двух лет. Эти события отразились на состоянии столицы не лучшим образом, однако тотчас после освобождения, разоренная и опустевшая, она обнаружила резкий подъем материальных и, главное, духовных сил. Едва миновали трудные времена, город стал неуклонно увеличиваться не столько по населению, сколько по площади, что наблюдалось впервые за многие века его существования. Стремительный рост вызвала индустриализация, которая в Германии проходила очень активно. Сегодняшние берлинцы гордятся, что именно их город одним из первых сумел рационально использовать паровой двигатель, хотя тогда появление шумной, неприглядной, окутанной клубами едкого пара машины причинило немало беспокойства жителям. Особенно страдали обитатели улиц вблизи Королевской фарфоровой мануфактуры, для которой и был закуплен нещадно чадивший механизм.

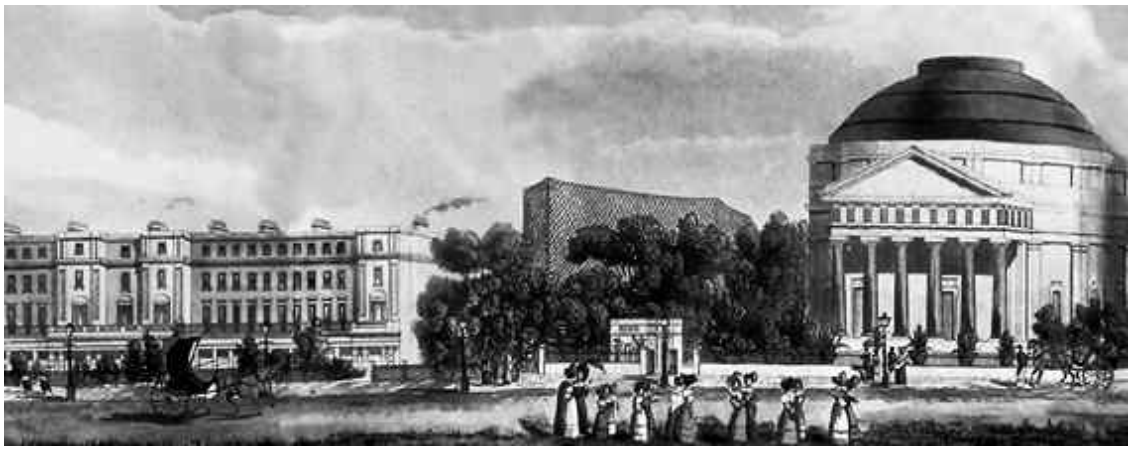
Берлин в районе Шарлоттенбурга. Фотография конца XIX века

Затем почти в самом центре Берлина появился машиностроительный завод с цехом чугунного литья. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что промышленность требует гораздо больших просторов, и фабриканты обратили взоры на пригороды, к сожалению, северные, наиболее живописные, куда жители столицы прибывали, чтобы поправить здоровье у целебных источников. С того времени на этой стороне столицы природа склонялась перед достижениями технического прогресса. Тенистые дубравы уступили место цехам чугунолитейного завода Августа Борзига, из ворот которого в 1841 году выехал первый в Германии паровоз. «Железное чудище», как окрестили это устройство журналисты, с немыслимой скоростью около 40 км/ч двигалось по железной дороге, соединившей Берлин и Потс-

дам. Вскоре после того примеру Борзига последовали другие фабриканты, и живописные районы к северу от исторического центра были застроены промышленными гигантами.

Господство тяжелой индустрии не замедлило сказаться на облике города, но главное – резко ухудшило положение необеспеченных горожан. Ужасающую нищету переносили рабочие из кварталов трущоб, окружавших заводы Борзига. Слабая помощь поступила из дворца после публикации «Книги, принадлежащей королю», с помощью которой к монарху взывала благородная дама Беттина фон Арним. Ее последователь Эрнст Дронке был менее счастлив в том же начинании: его труд вызвал гнев короля и судебное разбирательство, после чего автору пришлось провести несколько лет в тюрьме. Если книга Беттины фон Арним напоминала статистический отчет, то сочинение Дронке, помимо сочувствия беднякам и обвинений в адрес сильных мира сего, содержало в себе интересные предложения. С мелкими подробностями описав «отвратительные лачуги, куда загнали бедноту», он похвалил предпринимателей, которые предлагали своим рабочим комнаты в доходных домах. Впоследствии такие здания – многоэтажные постройки с длинными задними дворами – широко распространились под названием «Mietskaserne».

По мере роста города гигантские бараки стали основным типом жилья для обитателей рабочих кварталов Веддинг, Пренцлауэрберг, Крейцберг и Новый Кёльн. В последние годы столетия в них сформировалась особая культура, которую заметил и не замедлил воплотить в живописи Генрих Цилле. Берлинский импрессионист романтично, хотя и без лишней идеализации передал атмосферу дворов Mietskaserne, где по будням сушилось белье, играли дети, обменивались новостями домохозяйки, а в праздники рабочие накрывали общие столы и веселились до утра, стараясь утопить невзгоды в огромных кружках пива.



Берлинское воплощение принципа «живу там, где работаю»: дворцы рядом с заводами. Рисунок конца XIX века

В градостроительстве Берлина начала XX века господствовал принцип «живу там, где работаю». Рабочие, специалисты, а зачастую и сами хозяева предприятий селились поблизости от места службы. Так, на презентабельной площади Хакешермаркт до сих пор находится комплекс зданий, известный под старым названием Хакские дворы. Объединенные галереями, внутренними дворами и фасадом в стиле арт деко, они являлись своеобразным производственно-жилищным комплексом, где располагались цеха, в главном здании обитало начальство, а во флигелях ютились рабочие. После реконструкции пролетарские квартиры исчезли, как и сам завод; многочисленные помещения заняли кафе, магазины и прочие составляющие респектабельной жизни, похожей на ту, что протекала в кайзеровской Германии.

В разгар технической эры соседство промышленности причиняло слишком много неудобств, и состоятельная буржуазия Берлина стала переселяться из центра в западные

районы, чаще выбирая Шарлоттенбург и Шёнеберг. Там, куда раньше выезжали на охоту или пикники, вырастали внушительные дома либо настоящие дворцы, каких особенно много стояло вдоль Ландверского канала на краю Тиргартена. В 1870-х годах обитатели этого паркового района, в частности те, кто жил в колонии садоводов, бродили по лугам, совершая прогулки от ступеней своих домов до деревенских ферм. К сожалению, для многих восхитительное общение с природой прервалось в эпоху Отто фон Бисмарка, когда в Берлине появился аналог Елисейских полей – впечатляющая своими размерами и декором улица Курфюрстендамм. Проложенная по высокой траве, она сменила простую дорогу, соединявшую дворец курфюрста Иоахима II с охотничьей резиденцией в Грюневальде. Новая магистраль связала бывшие пригороды с центром, образовав кварталы, полюбившиеся берлинцам среднего класса, который тогда составляли наемные специалисты, лавочники, служащие крупных заводов. Представителям физического труда оставалось строить здания, мостить улицы, сажать цветы на аллеях, обслуживая своих предприимчивых и более образованных собратьев, которые получили столь комфортные условия жизни благодаря «железным чудищам» Борзига, Сименса, Эгельса, Хальске.

Сегодняшний Шарлоттенбург – район проживания богатых, когда-то лишь западных, а ныне и всех немцев – сияет чистотой, пленяя спокойствием, сверкающими витринами дорогих магазинов и добросердечными лицами обитателей. Иностранные путешественники отмечают, что в нем живут люди, которые нравятся сами себе и любят других. В этом зеленом квартале принято рано ложиться спать и так же рано вставать, хотя далеко не все здесь спешат на работу. Здешние дамы с удовольствием гуляют по улицам с левретками или пуделями и могут часами сидеть в элегантных кафе. В начале прошлого века здесь проживало такое количество эмигрантов из России, что квартал получил прозвище «Шарлоттенград». В разделенном Берлине роскошные особняки этого района выбирали богатые интеллектуалы, кинозвезды и прочие мировые знаменитости.

В последнее время хозяева местных ресторанов жалуются на пустоту заведений, особенно по вечерам, ведь после объединения столицы светская жизнь переместилась в центральные кварталы. Некогда шумные кинотеатры стали закрываться, постепенно в более выгодные районы перебрались владельцы галерей и салонов. О блестящем прошлом Шарлоттенбурга напоминает дворец прусской королевы, детище Отто фон Бисмарка улица Курфюрстендамм, а также похожая на парк площадь Савиньиплац – очаровательный островок зелени на пересечении шумных улиц. Столетие назад аристократки съезжались сюда, чтобы демонстрировать друг другу наряды и выгуливать собачек. Простолюдинам вход на эту уютную площадь был запрещен до тех пор, пока Эрвин Барт, тогдашний директор садов и парков, не объявил ее достоянием всех слоев общества.

Сквер на одной из площадей кайзеровского Берлина. Фотография начала XX века

Народные парки

Стоит только удивляться тому, что своим умением красиво отдыхать жители германской столицы обязаны непосильному труду. Оборотная сторона техногенного комфорта заставила берлинцев задуматься о здоровье, ведь именно она повлекла за собой резкое ускорение темпа жизни, долгий рабочий день, проводимый в шумном, грязном цеху, треск и копоть на городских улицах. Раньше по Шпрее ходили караваны судов и баржи с грузами, но со временем значение внутригородского судоходства снизилось, зато на озерах и каналах возникла целая островная страна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.